

УДК 930.2

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

© 2012 С.В. Любичанковский

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 04.05.2012

В статье предложен анализ подхода К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова к определению субъекта повседневности как отдельного человека. Обоснована возможность понимания субъекта повседневности как социальной группы. Показана методологическая значимость такого понимания для исторического исследования.

Ключевые слова: повседневность, субъект повседневности, историческое исследование.

История повседневности давно уже переросла влияние «научной моды», прочно утвердилась в качестве серьезного самостоятельного академического направления. В его основе лежит определенная теоретическая база, которая постоянно развивается. На наш взгляд, сегодня в русскоязычной научной литературе наиболее глубоко разработана концепция повседневности К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова¹. В настоящей статье мы базируемся на предложенном ими сущностном понимании повседневности как формы непосредственной человеческой деятельности, которая осуществляется в конкретной фактичности событийных ситуаций и представляет собой совокупность повседневного бытия (то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей) и обыденного сознания (то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей)². Таким образом, процесс повседневного существования является двуединым, включающим в себя повседневное взаимодействие конкретного человека с разными реалиями окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия.

Следует обратить внимание на то, что применение этой теоретической конструкции в историческом исследовании таит в себе ряд методологических сложностей. Одной из них является определение субъекта повседневности.

К.Н. Любунин и П.Н. Кондрашов понимают субъект повседневности совершенно однозначно – это отдельный человек. Действительно, нельзя не признать, что повседневность конкретных людей, пусть даже одной и той же социаль-

ной группы, отнесенная к одному и тому же пространству и времени, часто не совпадает. Один дворянин из Самары может служить мелким чиновником, а другой – жить в родовой усадьбе, даже не находясь на государственной службе. Их повседневная жизнь не будет одинаковой, несмотря на общность сословного происхождения и места проживания. Очевидно, что повседневность конкретного человека как минимум будет зависеть от пола, возраста, образования, семейного положения, национальности, вероисповедования, типа основной деятельности, места проживания, социального происхождения и др.

Вместе с тем, нельзя не видеть, что по каждому из вышеперечисленных параметров люди образуют группы, и принадлежность к каждой из них позволяет предполагать определенный уровень сходства повседневной жизни (безусловно, в ее усредненном варианте) по тому или иному направлению (в семейном, профессиональном, этноконфессиональном, возрастном и прочих планах). Чаще всего в центре исторического исследования стоит не отдельный человек, а какая-либо группа людей. Следовательно, правомерен и вопрос о том, как принадлежность человека к той или иной группе влияет на его повседневную жизнь. И в этом смысле представляется возможным рассматривать в качестве субъекта истории повседневности не отдельного человека, а выделенные по определенным признакам группы людей.

Важно уточнить, что в самом узком, самом точном смысле слова субъектом повседневности по-прежнему может и должен рассматриваться отдельный человек во всех своих ипостасях (возрастной, семейной, профессиональной и т.п.). Однако при этом повседневность – это процесс, который становится видимым наблюдателю только в случае, если последний рассматри-

---

*Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: svlubich@yandex.ru*

вае в качестве субъекта повседневности группу людей, выделенную по определенному признаку. Поскольку проблема исторического исследования заключается не только в выделении конкретных особенностей повседневности строго определенного субъекта, отнесенного к определенному пространству и времени, но и описания конкретных факторов, которые влияют на формирование, сохранение и изменение этой повседневности, субъектом повседневности в историческом исследовании могут и должны выступать группы людей.

Такое понимание субъекта истории повседневности накладывает на само исследование, его программу существенные ограничения. В первую очередь они связаны с тем, что исследователь сознательно абстрагируется от ряда признаков субъекта повседневности ради более глубокого, «незатенённого» изучения других его признаков. Поэтому при исследовании, например, такой профессиональной группы, как торговцы, необходимо сосредоточиться на изучении того влияния, которое на их повседневную жизнь оказывала именно их профессиональная деятельность; при исследовании повседневной жизни старообрядцев – их религиозная жизнь; студентов - процесс обучения и т.д. Влияние других срезов повседневной жизни ни в коем случае не отрицается, однако признается дополнительным. Иными словами, выбор в качестве субъекта повседневности определенной группы людей обязывает исследователя соответствующим образом ранжировать условия повседневности, каждый раз придавая одним из них статус центральных, а другим – периферийных.

Как легко можно увидеть, выделение субъекта повседневности возможно по самым разным основаниям, в результате чего классификации, конечно, будут накладываться друг на друга, пересекаться, находиться в дополнительном отношении друг к другу. Все это создает сложную мозаичную структуру субъектов повседневности любого региона. Однако нельзя объять необъятное. Человек – настолько многообразное существо, что изучение всех его ипостасей в рамках одного исследования является при существующем уровне развития науки фикцией, которая только лишь будет способствовать поверхностности анализа. Начиная конкретно-историческое исследование повседневности, автору следует четко определиться, какого именно субъекта он изучает, какая классификация лежит в основе выделения субъекта. И дальнейший анализ должен быть жестко привязан к этому выбору. Например, если речь идет о выделении субъекта по профессиональному признаку (например, торговец), то основное внимание необходимо обратить

на те условия повседневности, которые определяют его повседневную жизнь именно как торговца, а не как жителя села, семьянина, мусульманина, буддиста и проч. Эти параметры остаются на периферии внимания. В случае же изучения повседневной жизни сельского жителя, напротив, вперед должны выйти условия повседневности, связанные с состоянием места его проживания, а не с его профессиональной деятельностью. Естественно, мы понимаем, что все условия взаимосвязаны, но также нужно понимать, что достижение необходимой глубины анализа требует ранжирования условий повседневности в зависимости от принципа выделения субъекта. Потом уже, после проведения таких исследований (причем по единому алгоритму), возникнет возможность синтезировать их результаты и добиться более комплексного взгляда на повседневную жизнь представителя того или иного региона, понять, какие же условия повседневности (профессиональные, религиозные, возрастные и проч.) оказывали в тот или иной период наиболее существенное влияние на жизнь человека, а какие выступали только дополнением. Но перескочить сразу на решение этой задачи было бы научно некорректно.

Выбор исследователем субъекта повседневности влияет даже на выбор территориальных рамок исследования, поскольку региональная специфика для разных типов деятельности субъекта (профессиональной, семейной, конфессиональной и проч.) может выглядеть по-разному. Региональная структура России может видаться по-своему в зависимости от задач научного анализа. Наиболее распространенное историко-географическое деление страны (на Урал, Поволжье, Северо-Запад и проч.) может быть использовано далеко не всегда, поскольку абстрагируется от многих существенных параметров. Так, например, если ставится задача изучить повседневную жизнь земских деятелей, то говорить о земствах Уральского региона означает объединять в единых рамках как классические Вятское и Пермское земство, созданные уже в шестидесятых годах XIX века (1867-1870 гг.), Уфимское земство, учрежденное в ходе следующей крупной «волны» территориального расширения земской реформы (1875 г.), так и Оренбургское земство, которое в силу социокультурных особенностей территории стало действовать только в 1913 г. Более обоснованным является выделение земских регионов в соответствии с сущностной структурой империи как сложного и неоднородного в культурном плане пространства. Империя, по мнению современных специалистов, включала в себя т.н. «ядро», окраины и промежуточную территорию - «внутреннюю пе-

риферию»³. Миссия империи заключалась в перераспределении регионов внутри этой системы, в подтягивании окраин до статуса внутренней периферии, а последней – до внутренних стандартов империи. Именно в соответствии с этой логикой и судебная, и городская, и земская реформы распространялись на территории государства не повсеместно, а «волнами», в зависимости от готовности губерний соответствовать предлагаемым стандартам. Последней группой губерний, получивших земское самоуправление только в 1913 г., явились Астраханская, Оренбургская и Ставропольская. Эта совокупность территорий в управленческом плане может рассматриваться как единый регион, именуемый условно «Юго-Востоком России». И изучение земской повседневности будет корректным именно в таких рамках.

Итак, следует выделять кластеры однотипных субъектов повседневности, а в них выделять «ядра» и «периферию», выделять и характеризовать «контактные зоны» каждого субъекта повседневности. Возможно, историк-у следует обратить особое внимание на анализ особенностей именно контактных зон субъектов повседневности, ибо они позволяют предсказывать возможную эволюцию того или иного типа повседневности, что исключительно важно для понимания особенностей исторического процесса в регионах. От того или иного определения субъекта будет зависеть вся дальнейшая программа исследования.

Также важно подчеркнуть, что каждый субъект повседневности по своей сути является сильно нелинейной системой, то есть состоит из очень большого числа элементов, связи между которыми носят случайный характер. Одновременно это и открытая система, то есть она обменивается веществом, энергией и информацией с окружающим миром. Этот обмен может затухать, стремясь к нулю. В этом случае происходит консервация особенностей повседневности определенного субъекта. Он может и неограниченно нарастать, стремясь к бесконечности. В этом случае полностью разрушается и исчезает специфика повседневности определенного субъекта повседневности. Если не брать крайние случаи, то взаимодействие субъектов повседневности региона с окружающим миром должно вести его к прогрессивному развитию, к накоплению количественных изменений и последующему качественному скачку. Задача исторического исследования состоит в выявлении доминанты развития повседневности разных субъектов в разных регионах в разные исторические периоды.

Результат влияния на эволюцию субъекта разных типов повседневности зависит от устойчи-

вости последних. В общем плане, устойчивость тех или иных сторон повседневной жизни субъекта в рамках того или иного региона может зависеть: а) от географического расположения региона (климатических условий, наличия плодородных почв, водных ресурсов, полезных ископаемых, лесов и т.д.); б) от моноконфессионального или поликонфессионального, мононационального или полинационального состава его населения; в) от специфики культурного наследия региона и умения властей его использовать для развития региона; г) от уровня вписывания конкретного типа повседневности региона в культурное пространство страны; д) от уровня творческой инициативы населения региона, и т.д. и т.п.

Любой процесс есть единство изменчивости и устойчивости. Такова и повседневная деятельность. Скорость изменения разных параметров любого сложного открытого нелинейного процесса (а именно таковым является повседневность) различна. Это может быть рост одних параметров и одновременное убывание других, а третьи при этом останутся стабильными, причем все это – на разных временных промежутках. Эта динамика делает бессмысленным желание установить исчерпывающую специфичность повседневности вообще, так как она на разных временных отрезках и применительно к разным своим сторонам (что в данном случае как раз и означает – к разным субъектам повседневности) будет проявлять себя по-разному. Нельзя объять необъятное. Однако реалистичной является задача установить тенденции изменения повседневности применительно к определенному субъекту повседневности на определенном историческом периоде, причем необходимо учитывать, что в краткосрочном периоде специфичность будет одна, в среднесрочной и тем более долгосрочной перспективе – другая, может быть, вообще противоположная.

В заключение считаем нужным отметить, что анализ феномена повседневности – это типичная междисциплинарная проблема, а такой класс проблем, как никакой другой, требует пристального внимания к методологическим основам исследования. Одной из наиболее фундаментальных и при этом практикоориентированных является проблема обоснованного выделения субъекта повседневности, на что мы постарались обратить внимание в данной статье.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История Оренбургского края в опубликованных дореволюционных источниках: научно-образовательный сайт», проект № 12-01-12000в

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: УрГУК; ИИФПИ УрО РАН; РФО, 2007. 295с.

² Там же. С.260.

³ Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург-Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. С.484.

PROBLEM OF DEFINITION OF THE SUBJECT OF DAILY OCCURRENCE IN HISTORICAL RESEARCH

© 2012 S.V. Lyubichankovskiy

Volga Region Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The article contains the analysis of the approach which was elaborated by K.N.Ljubutin and P.N.Kondrashov to the definition of the subject of daily occurrence as a separate person. The author proves a possibility of understanding of the subject of daily occurrence as a social group and points on its methodological importance for historical research.

Keywords: daily occurrence, the subject of daily occurrence, historical research.